Поездки Ильи Муромца

Как ехал стар по чисту́ полю —
Голова бела́, борода́ седа́,
Как скаце́н жемчуг, россыпаетци.
Под ст[арым конь наубел-бело́й],
Да ведь хвост и грива научор-чорны.
[Как наехал стар на станичников,]
На ночных уж он подорожников.
Да хотя́т стара́ би́ти-грабити.
Как сиди́т тут стар, призадумался,
Принадумалса слово вымолвить:
«Люди вольные все разбойнички,
Вы дённые уж нонь подколоднички,
Вам ведь старого бить уж не́кого,
А у старого взять вам не́цего:
Золотой казны много не́ взято,
Зла́та-се́ребра́ не пригодилосе,
Скатна жемчугу не прилуцилосе.
То́льки есь под старым до́брой конь
Да ведь конь [под ним нау]бел-бело́й
Да хвост и грива научор-черна́.
Как уж езжу на кони́ ровно тридцеть лет,
За рекой на коне́ не сиживал,
Перевоз на кони я не вапливал».
Как станицницков всё приманивал.
Как велят они слезыват с коня.
Как сидит тут стар, призадумалса,
Он умом гада̄т, головой кача̄т,
Принадумалса слово вымолвить:
«Уж вы ста́нички мои, станицники,
Люди вольные, всё разбойники,
Вы ночны́ уж нонь подорожники,
Вы дённы уж нонь подколодники!
Вам ведь старого бить уж некого,
А у старого взять вам не́цего:
Золотой казны много не́ взето,

Зла́та-се́ребра не пригодилосе,
Скатна жемчугу не прилучилосе,
Толькй́ есь на старом кунья́ шуба́,
Дешево́й цены стои́т — семьсот рублей,
Как на шу́бы подтяжка позолочена,
Ожерелье у шубы чорна соболя,
Не того-де соболя сибирьского,
Не сибирьского соболя — заморьского
(с Камчатки, верно).
Как уж пуговки были вальячныя,
Того ле вальяку красна зо́лота,
Да ведь петелки были шо́лковы,
Да того-де шолку, шолку белого,
Да белого шолку шемахильского».
Как станицницков пуще приманиват,
И велят слезыват со добра́ коня,
Скидыват велят ку́нью шубоцку.
Как сидит тут стар, призадумалса,
Умом гада̄т да головой кача̄т,
Принадумалса слово вымолвить:
«Уж вы ста́ницки, мои станичники,
Люди вольные всё разбойники,
Вы ночные уж нонь подорожники,
Вы дённые уж нонь подколодники!
Вам у старого бить вам некого,
А у старого взять вам не́цего:
Золотой казны много не́ взето,
Злата-серебра не пригодилосе,
Скатна жемчугу не прилучилосе.
Только есь у старого уж ту́гой лук,
Золота́ колча́нка кале́ных стрел,
Да ведь ровно тридцеть три стрелоцки.
Да ведь всем стрела́м цена обложена,
Да ведь кажна стрела по пети рублей,
Трём стрела́м цены нету уж:
Перены́ перья — орловым же,
Не того орла, орла сизого,
А того орла сизомладаго,
Тот живёт орёл на синём мори,

На синём мори на серо́м камни́,
Он пьёт и ест у синя́ моря».
Как станицницков пуще заманиват,
И велят слезыват с добра коня,
Скидывать велят кунью шубоцку,
Отдавать кольцянку кале́ных стрел.
Как сидит тут стар — призадумалса:
Он умом гада̄т, головой кача̄т.
Он вытегиват из запа́зушья ту́гой лук,
Из кольцяноцки да калену́ стрелу́.
Он кладёт стрелу́ нонь на ту́гой лук,
Да ведь сам стрелы́ да приговариват:
«Калена́ стрела ты мура́влена,
Полети́ же ты во чисто́ полё,
Полети́ ты повыше разбойников,
Не задешь ты их ни еди́ного:
Ты не старого и не малого,
Не холо́стого, не женатого,
Полети-тко ты во чисто́ поле́, —
Да во сыро́ дуби́що-крековищо,
Ты розбей сыро́ дуби́що-крековищо,
Ты на мелко церенье ножовоё!»
Не городо́вы воро́та отпиралисе,
Не люта́ змея́ извиваласе —
Заскрипел у старого ту́гой лук,
Калена́ стрела́ со туга́ лука́
Полетела она да во чисто́ полё,
Да во сы́ро дуби́що-крековищо.
Как розбила сы́ро дуби́що-крековищо
Да на мелко церенье ножовоё.
Как станицницки испужалися,
По-под кустиками как разбежалиси.
Как туман-то в поле приободроло,
Как станицники идут да поклоняютца:
«Уж ты батюшко да наш стары́й казак,
Наш стары́й казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Да возьми-тко нас да во товарыщи».
Говорит тут стар таково́ слово́:

«Не возьму я вас во товарыщи,
Я не старого и не малого,
Не холо́стого, не женатого.
Как я уж езжу по полю тридцеть лет,
Да никто на меня не нахаживал,
Да никто на меня не наезживал,
Да как вы нашли, поганые, наехали».
Как поехал стар по чисту́ полю́,
По тому роздолью широкому —
Голова бела́, борода седа́,
По белым грудям росстилаетсе,
Как скаце́н жемчуг, да россыпаетсе.
Приезжает к росстаням ко широким же,
Как лежит тут сер горюць каме́нь,
Да на камешке подпись подписана,
Да подписана подпись, подрезана:
«Как во пе́рву дорожку ехать — боґату быть,
А во вто́ру дорожку — жена́ту быть,
А в тре́тью дорожку — живому́ не быть».
Как сидит тут стар да призадумалса,
Призадумалса да приросплакалсы:
«Как поеду я в дорожку во первую,
Да ле где мне, старому, боґату быть».
А опеть же сам и одумалса:
«Да на что мне, ста́рому, боґату быть? —
У меня нет нонь молодо́й жены
Берегци́, стерегци́ золота́ казна́.
Как поеду в дорожку во вто́рую,
Да ведь ’де мне старому женату быть».
А опеть же сам и одумалса:
«Да на што мне, старому, женату быть? —
Не владеть мне, старому, молодой женой,
Не кормить мне, старому, малы́х детей.
Как поеду в дорожку во тре́тью же,
’де мне, ста́рому, живому́ не быть».
Как поехал стар по чисту́ полю́,
По тому роздолью широкому —
Голова бела́, борода́ седа́,
По белы́м грудя́м росстилаетси,

Как скаце́н жемчуг, да россыпаетси.
Приезжает ко двору ко широкому,
Теремо́м назва́ть — очень мал будёт,
Городо́м назвать — очень велик будёт.
Как выходит девушка-чернавушка,
Она берёт коня за шелко́в пово́д,
Она ведёт коня да ко красну́ крыльцу́,
Насыпат пшена да белоярова,
Как снимат стара́ со добра́ коня́,
Она ведёт стара́ да на красно́ крыльцо́,
На красно́ крыльцо да по новы́м сеням,
По новы́м сеням в но́ву горницю.
Скидыва̄т его да распоясыва̄т,
Да сама говорит таковы́ слова́:
«Пожило́й удало́й добрый молодец,
Ты уж едешь дорожкой очень дальнею,
Тебе пить ли исть ныньче хочется,
Опочинуться со мной ле хочетсы?»
Говорит тут стар таково́ слово́:
«Хошь я еду дорогой очень дальнею,
Мне не пить, не есть мне не хочется,
Опочинуться с тобой хочитсэ».
Она старому кроват да уж указыва̄т,
А сама от кровати дале пе́титсе.
Говорит-то стар да таково́ слово:
«Хороша кровать изукрашена —
Должно бы кроваточки подложной быть!..»
Она старому кровать уж указыват,
А сама от кроваты далечо́ стоит.
Как могуци плеци росходилисе,
Ретиво́ серцё розъерилосе —
Он хватал-то он за белы́ руки́,
Он бросал он на кровать на тесо́вую:
Полетела кровать да тесо́вая
Да во те во погрёба глубокия.
Как спущался стар да во глубок погрёб —
Там находитса двадцать деветь молодцев,
А тридцатый был сам стары́й казак,
Сам стары́й казак да Илья Муромец,

Илья Муромец да сын Иванович.
Он ведь начал плетью их наказыва̄т,
Наказывать да наговаривать:
«Я уж езжу по полю ровно тридцеть лет,
Не сдаваюсь на реци я на бабьи же,
Не утекаюсь на гу́зна их на мяхкие».
Вот они тут из погреба вышли,
Красное золото телегами катили,
А добрых ко́ней табунами гнали,
Мо́лодых молодок толпи́цями,
Красных девушек стаи́цями,
А старых старушек коробі́цами.

(Зап. А. М. Астаховой 1 июля 1928 г.: д. Усть-Низема Лешуконского р-на — от Антонова Максима Григорьевича, 59 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.